

intergration results. Nanolinguistics is the search for ways of deep object studies. Previous experience of language phenomena interpretation stimulates the subsequent debate steps regarding the accumulation of object properties.

The article names possible vectors of interpretation actions in the sphere of modern word formation, in viewing the processes of loanword adaptation, in sensory linguistics, defines the prospects of nanolinguistics development.

Key words: nanolinguistics, nanotechnologies, size effect, quasimorphemes, avant-garde poetry, sensory linguistics, Nano sapiens.

Стаття надійшла до редакції 27.09.2012 р.

Прийнято до друку 30.11.2012 р.

Рецензент – д. філол. н., проф. Зеленько А. С.

УДК 811.161.1'42

Г. П. Джинджолия

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО НАРРАТИВА

Нарратив обычно понимается в литературоведении как рассказ о событиях, повествование [1]. Ключевой категорией нарратива является событие. Специфика нарративного дискурса состоит именно в том, что он наделяет факт или некоторую совокупность фактов статусом события.

Ю. М. Лотман определял событие в тексте как «перемещение персонажа через границу семантического поля» [2, с. 282]. «Из этого вытекает, что ни одно описание некоторого факта или действия ... не может быть определено как событие или несобытие до того, как не решен вопрос о месте его во вторичном структурном семантическом поле, определяемом типом культуры... Но и это еще не окончательное решение: в пределах одной и той же схемы культуры тот же самый эпизод ... может стать или не стать событием... Это относится не только к художественным текстам. Поучительно было бы с этой точки зрения посмотреть на раздел «Происшествий» в газетах разных эпох. Происшествие — значимое уклонение от нормы (т. е. «событие», поскольку выполнение нормы «событием» не является) — зависит от понятия нормы» [2, с. 282—283].

По мнению Н. Д. Арутюновой, событие характеризует: «1) отнесенность к жизненному пространству (в противовес явлению), 2) принадлежность магистральной линии жизни (в отличие от инцидента), 3) динамичность и кульминативность (наличие «точки осуществления», которая в социальных акциях может фиксироваться условно); это отличает событие от ситуации; 4) «сценарность», которая

при отсутствии «естественного» сценария создается ритуалом; сценарность события противостоит градуированности процесса, 5) неконтролируемость (в отличие от поступков), 6) слабая структурированность (в отличие от целенаправленных действий), 7) целостность, отвлеченность от временной протяженности (в отличие от процессов), 8) отсутствие логической необходимости существования (в отличие от состояний, качеств, свойств и других форм бытия), 9) единичность, счетность (в отличие от деятельности), 10) функциональность (недескриптивность) обозначения конкретных событий, подводимых под родовое понятие «событие», 11) преимущественная включенность в интерпретирующий контекст (в отличие от процессов), 12) «вершинная» позиция при пространственно-временном совмещении с другими событийными объектами (процессами, действиями), служащими субстратом события» [3, с. 181].

Основной единицей политического нарратива является политическое событие [4]. «Любое политическое событие в принципе обречено стать предметом сверхтекста, потому что о нем хотя бы один раз сообщается в нескольких источниках средств массовой информации, а если это событие становится особо значимым, привлекает к себе повышенное внимание, то, естественно, повествование о нем получает многократную вариативную разножанровую реализацию» [4, с. 270].

Связность отдельных текстов (дискурсивных образований) подобного сверхтекста может обеспечиваться системой метафор. И эта система метафор способствует восприятию сверхтекста как определенного единства.

Цель статьи — рассмотреть метафорические предпосылки политического нарратива, описать типичные виды развертывания метафорических моделей.

О метафоре написано множество работ. Метафора обычно рассматривается как видение одного объекта через другой, проекция известного на неизвестное, как способ познания мира. В процессах метафорического познания осмысливаются «невидимые миры» — сложные непосредственно наблюдаемые мыслительные пространства. Метафорическое мышление — поиск сущности, показатель сложной проблемной ситуации, попытка найти решение. А. Н. Баранов и Е. Г. Казакевич в работе «Парламентские дебаты: традиции и новации» пишут: «Когнитивная сила метафоры делает ее незаменимым инструментом при поиске решений новых проблемных ситуаций. Отсюда взрыв метафорики... Метафорическое мышление в политике — признак кризисного мышления, мышления в сложной проблемной ситуации, разрешение которой требует значительных усилий от когнитивной системы человека по усвоению новых знаний и переработке их для построения множества вариантов действий и выбора правильной альтернативы» [5, с. 17].

Характерные черты метафоры — способность улавливать и создавать сходство между очень разными классами объектов, выявлять сущностный и постоянный признак объектов. Очень важное свойство метафоры как средства речевого воздействия — подсказывать, настраивать, наводить на определенный тип решения и поведения [5; 8].

Повышенная метафоричность современной публицистики совершенно естественна. «Функция тропа как механизма семантической неопределенности обусловила то, что в явной форме, на поверхности культуры, он проявляется в системах, ориентированных на сложность, неоднозначность или невыразимость истины» [6, с. 58]. Сложные политические и экономические реалии требуют метафорического осмысления.

Метафоры группируются в целостные совокупности. Некоторое множество метафор с заданным вспомогательным субъектом образует когнитивную модель. Основные когнитивные модели метафоры следующие: строительная, военная, медицинская, транспортная, зоонимическая, театральная, кулинарная, пространственная.

В советскую эпоху было принято представлять общество в терминах здания, строения. Строительная метафора иплицитно когнитивные структуры — сценарии, по которым в различные культурные эпохи развиваются реальные события: здание имеет фундамент, блоки, кирпичи, несущие опоры, стену, крышу; строительство может затянуться (долгострой); здание можно перестроить; здание может быть разрушено и т. д. Аналогия общества со зданием, которое человек должен перестроить, определяет целую культурную эпоху второй половины 80-х годов. Метафора долгостроя присутствует в публицистике второй половины 80-х — начала 90-х годов, метафорика крыши — в 90-е годы.

Политика может трактоваться в терминах войны. Когда мы так говорим о политике, то мы не имеем в виду, что война есть разновидность политики или политика есть разновидность войны. Речь идет о том, что наши знания и опыт, приобретенные в области войны, применяются для решения политических проблем. Политика концептуализируется в терминах войны. Метафора войны принадлежит к числу тех ключевых метафор, которыми мы «живем» в нашей культуре [7, с. 389]. Д. Лакофф и М. Джонсон, рассматривая метафору *спор — война*, пишут: «Крайне важно иметь в виду, что мы не просто говорим о спорах в терминах войны. Мы можем реально побеждать или проигрывать в споре. Лицо, с которым мы спорим, мы воспринимаем как противника. Мы атакуем его позиции и защищаем собственные. Мы захватываем территорию, продвигаясь вперед, или теряем территорию, отступая. Мы планируем наши действия и используем определенную стратегию. Убедившись в том, что позиция незащитима, мы можем ее оставить и принять новый план наступления» [7, с. 388]. Все это в полной мере относится и к метафоре *политика — война*. Возможные

военные сценарии в политике выражает соответствующий лексикон: *битва, блокада, бой, бомба, взрыв, заряд, знамя, плен, атака, вылазка, выстрел, диверсия, маневр* и т. д. Метафора войны отражает стереотипы тоталитарного мышления, реализует речевую стратегию дистанцирования и имеет ярко выраженное деструктивное начало: *взрыв протеста, война идеологий, экономическая война, пропагандистская война* и др. В постсоветскую эпоху некоторые виды социальной деятельности не осмысливаются в образах войны, заметно обновляется «военный» лексикон. Уходят в прошлое *классовые битвы, борьба за повышение качества продукции, холодная война*.

Для постсоветской политической культуры типична медицинская метафора. Общество, находящееся в кризисном состоянии, рассматривается как организм, правильная деятельность которого нарушена. Одна метафора связана здесь с другими. *Политические болезни* проявляются в *политическом головокружении, политическом дальтонизме. Вирус кризиса* вызывает *социально-экономические язвы, раковую опухоль и гангрену инфляции. Бациллы коррупции парализуют* экономическую жизнь страны. *Рецидивы технологического паралича и энергетической комы* связаны с *нервной аритмией бирж, валютной лихорадкой, болезнью валюты. Духовные язвы и нравственная глухота* ведут к *зуду агрессивности, метастазам насилия и эпидемии преступности*. Остается только неясным, откуда берутся *болезни, вирусы, рецидивы паралича* и т. д. Метафора болезненного состояния изъята из сферы предсказуемости, из категории причинности. Лексикон медицины образует способ выражения медицинских аспектов принятия решений и упорядочения событий. Так, предлагаются: *шоковая терапия; политическая хирургия, хирургическое вмешательство в живую ткань государства; экономический консилиум, консилиум валютных докторов; ампутация общественных расходов; вливание в экономику; прививки трудолюбия, отзывчивости и благородства; лекарство от затяжного кризиса власти; рецепт для успеха дипломатии*. Метафорический сценарий шоковой терапии известен по экономическим программам начала 90-х годов.

Очень продуктивна транспортная метафорика. Она допускает когнитивное дробление по названию средств передвижения: *государственный корабль, раскачать политическую лодку, поезд приватизации*; по названию составных частей средств передвижения: *колесо истории, кормило власти, руль политики, маховик реформ, политический мотор*; по названию путей и дорог: *экономический путь, магистраль общественной жизни, обочина жизни*; по названию маршрута, отправного и конечного пунктов движения: *политический маршрут, рыночная экономика* (конечный пункт движения). Средства передвижения в разные культурные эпохи меняются. Так, *локомотив революции* сменяется *раскачивающейся политической лодкой*. Здесь ярко проявляются представления о мире и установки.

Зоонимическая метафора охватывает названия животных (*удав преступности, дракон тоталитаризма*), частей их тела (*хвост организованной преступности*), названия, связанные с их существованием (*паутина политических переговоров, долларова паутина*). Мир политики «перенаселен» животными: *волк, кролик, паук, гидра, стервятник, ястреб* и мн.др. «Места их обитания» в разные культурные эпохи меняются.

Проявляют активность метафорические модели, связанные с миром театра, кино, цирка, спорта: *политическая авансцена, ампула «миротворца», политическая арена, политическая инсценировка, политическая клоунада, комедия со «всеобщими» выборами, политические кульбиты и сальто, надеть политическую маску, раунд политических консультаций, новый раунд валютной схватки, дипломатический трюк, политический аттракцион, политическая игра, игра в демократию, политический марафон, предвыборный марафон.*

Активны также кулинарная метафора: *подать гарнир из разнообразных политических обещаний, коктейль политических обещаний, предвыборное блюдо, телевизионный винегрет, вытрезвиться от вина революции;* пространственная метафора: *политический ландшафт, информационное пространство, экономическая зона, политическая линия, экономический оазис.*

Рассмотренные метафорические модели в значительной мере обуславливают наше поведение и реальные события. Они отражают некую последовательность событий, но и открывают либо изобретают то, что может произойти. За всем этим стоит определенная ментальность и картина мира.

Список использованной литературы

- 1. Шмид В.** Нарратология / В. Шмид. — М. : Языки славянской культуры, 2003. — 312 с.
- 2. Лотман Ю. М.** Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. — М. : Искусство, 1970. — 383 с.
- 3. Арутюнова Н. Д.** Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. — М. : Наука, 1988. — 341 с.
- 4. Шейгал Е. И.** Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — М. : Гнозис, 2004. — 326 с.
- 5. Баранов А. Н.** Парламентские дебаты: традиции и новации / А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич. — М. : Знание, 1991. — 24 с.
- 6. Лотман Ю. М.** Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман. — М. : Языки славянской культуры, 1996. — 460 с.
- 7. Лакофф Д.** Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры / Д. Лакофф, М. Джонсон. — М. : Прогресс, 1990. — С. 367—415.
- 8. Арутюнова Н. Д.** Метафора и дискурс // Теория метафоры / Н. Д. Арутюнова. — М. : Прогресс, 1990. — С. 5—43.
- 9. Баранов А. Н.** Словарь русской политической метафоры / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. — М. : Наука, 1994. — 240 с.
- 10. Бахтин М. М.** Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М. : Искусство, 1986. — 445 с.
- 10. Косенкова Ю. Л.** Градостроительство

советской эпохи в поисках идеала / Ю. Л. Косенкова // Человек. — 2001. — №1. — С. 23—30. **11. Кубрякова Е. С.** Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. В. Демьянков. — М. : Изд-во МГУ, 1996. — 246 с. **12. Метафора** в языке и тексте. — М. : Наука, 1988. — 260 с. **13. Ортега-и-Гассет Х.** Две великие метафоры // Теория метафоры / Х. Ортега-и-Гассет. — М. : Прогресс, 1990. — С. 68—82.

* Примеры взяты из газет «Зеркало недели» и «"Московский комсомолец" в Донбассе» за период с 2003 по 2012 гг.

Джинджолія Г. П. Метафоричні передумови політичного нарративу

Зв'язність окремих текстів (дискурсивних утворень) надтексту може бути забезпечена системою метафор та метафоричними моделями. Основні когнітивні моделі такі: будівельна, воєнна, медична, транспортна, зоонімічна, театральна, кулінарна та просторова. У статті описані типи їх розвитку у політичному тексті. Метафоричні моделі зазнають когнітивного дроблення за різноманітними ознаками (розвиток синонімічних рядів, варіювання родо-видові відносини, відосини частини та цілого). Ці ознаки уточнюються у контексті. Кожна культурна епоха пропонує свій набір ознак. Способи метафоричного осмислювання подій обумовлені власне мовними зв'язками суб'єкта метафори.

Ключові слова: політичний нарратив, метафора, когнітивна модель, мовна картина світу.

Джинджолія Г. П. Метафорические предпосылки политического нарратива

Связность отдельных текстов (дискурсивных образований) сверхтекста может обеспечиваться системой метафор, метафорической моделью. Основные когнитивные модели метафоры следующие: строительная, военная, медицинская, транспортная, зоонимическая, театральная, кулинарная, пространственная. В статье описаны типичные виды их развертывания в политическом тексте. Метафорические модели подвергаются когнитивному дроблению по самым разнообразным признакам (развитие синонимических рядов, варьирование родо-видовых отношений, отношений часть-целое). Эти признаки уточняются контекстом. Каждая культурная эпоха предлагает свой набор признаков. Пути метафорического осмысления событий обусловлены собственно языковыми связями субъекта метафоры.

Ключевые слова: политический нарратив, метафора, когнитивная модель, языковая картина мира.

Dzhindzholiya G. P. Metaphorical Background of Political Narrative

Cohesion of different texts (discursive formations) of a hypertext can be provided with a system of metaphors and metaphorical models. Basic cognitive models of metaphor are constructive, military, medical, transport, 'zoonimical', theatrical, culinary and spatial. Types of their development in political texts are described. Metaphorical models undergo cognitive fragmentation on different characteristics (development of synonymic rows, variation of type-and-kind and whole-and-part relations). These characteristics are specified in the context. Every cultural epoch has its own set of signs. Ways of metaphorical perception of different events are conditioned by linguistic relations of a subject of metaphor.

Key words: political narrative, metaphor, cognitive model, linguistic view of the world.

Стаття надійшла до редакції 28.09.2012 р.

Прийнято до друку 30.11.2012 р.

Рецензент – к. філол. н., доц. Бахмач В. І.

УДК 811.161.1'42

И. А. Соболева

**ИРОНИЧЕСКАЯ ДИСКУРСИВНАЯ СТРАТЕГИЯ
КАК ДОМИНАНТА СОВРЕМЕННОГО МЕДИАСОЗНАНИЯ**

Современный медиадискурс характеризуется активизацией различных проявлений иронического. При этом варианты воплощения иронии в языке дискурса реализуются в различных формах: это может быть репрезентация речевых жанров, относимых к области иронии (анекдотов, антифразисов, шутливых афоризмов, сентенций и т. д.), или придания иронической тональности жанрам, изначально не относящихся к комическим (очеркам, эссе, репортажам и т. д.).

Ирония в современном медиадискурсе чаще всего осуществляется с определенной иллокутивной целью, и для достижения этой цели (или целей) участники коммуникации выбирают те средства языка, которые им кажутся оптимальными [1, с. 184]. Современной медиалингвистике еще предстоит исследовать иронический потенциал современного медиадискурса и классифицировать виды иронических стратегий и тактик.

В этой статье мы попытаемся, используя типологию коммуникативно-речевых стратегий М. Ю. Олешкова [2, с. 93], проанализировать иронический механизм медиадискурса при